

Юрий ОСТАПЕНКО не планировал связывать свою жизнь с писательством. Его вполне устраивала работа в небе: он летал бортмехаником, а после трудился на аэродроме, но судьба решила по-иному. Начав с заметок в ведомственной авиационной многотиражке, он дошёл до заместителя главного редактора всесоюзной газеты «Воздушный транспорт» и главного редактора журнала «Самолёт», а затем стал автором более полутора десятков книг. Признание Юрию Остапенко принесли такие книги, как «Вожжи и самолёты», «Странный человек с планеты Термен», «Три загадки Сигизмунда Леваневского». А книга «Пётр Дементьев: преодоление невозможного» стала подлинной энциклопедией советского авиастроения. За десять лет она выдержала четыре издания. В год своего 80-летия писатель собрал под одной обложкой воспоминания, ставшие автобиографической повестью «Вверх по берегу реки, текущей вниз». Это в буквальном смысле портрет эпохи. Но не последний. Ветеран авиационной журналистики и писательского цеха Юрий Остапенко не убрал в стол ручки и не зачехлил компьютер, и мы надеемся увидеть ещё немало его новых книг. Желаем нашему автору доброго здоровья, творческого вдохновения и публикуем сегодня одну из авиационных историй — тайну, которую ему удалось открыть.

Самый первый самолёт

Его изобрёл до братьев Райт сибирский ссыльный

Два года назад в Якутске торжественно отметили 90-летие прилёта первого самолёта и начало летоисчисления авиации далёкой северной республики. То, действительно, было волнующее событие — 5 октября 1925 года на окраине тогда ещё деревянного города приземлился старенький «Сопвич». Но мало кто знает, что при благоприятном стечении обстоятельств самолёт в якутском небе мог появиться лет на двадцать раньше. Да-да, на двадцать! И виновником этого не свершившегося события мог стать человек, о котором несколькими месяцами ранее прилёта «Сопвича» напомнил некролог в местной газете...

«В ночь с 5 на 6 марта после непродолжительной болезни умер Иван Фаддеевич Зубржицкий, более известный Якутску под именем Яна Ивановича. Поляк, из крестьян Сувальской губернии, судился в Киеве в военно-окружном суде. 20 лет каторжных работ дали ему, 17-летнему юноше, за его революционную деятельность, за подготовку к террористическим актам, за работу в одной организации с Кибальчицем, будущим царевубийцей. После суда — Мценская тюрьма и 12 лет каторги. Затем (с 1893 года) поселение в Якутии. Здесь испил он горькую чашу: жил порой без куска хлеба в грязных сараях для скота.

«Лишённый всякого приюта, — писал он в 1893 году, — в среде полудиких людей, голодный, оборванный, среди трескучих морозов бродил из юрты в юрту, вымаливая приют и пищу, которых ни за какую плату и просьбы достать здесь всё-таки невозможно...»

С годами к его тяжёлому материальному положению присоединились мнительность, обидчивость, постоянные претензии к окружающим, не говоря про полицию и власти, которых он ненавидел до глубины души. Со временем всё это довело его до психического расстройства.

Последнее время, уже после революции, он увлекался вопросами добывания спирта и сахара из простейших элементов, организацией всемирной транспортной конторы и устройством «Янолёта» — особого типа летательной машины.

Его любимыми словами были: «Всё зло в нищете. Надо бороться с этим». И он по-своему, конечно, старался бороться за всё справедливое, причём прямолинейность в этих вопросах была его отличительной чертой, так же как бескорыстие и полное пренебрежение к своим нуждам.

Умер старый ветеран революции...

Вечная память тому, кто отдал здоровье и силы на борьбу с царским произволом, с ненавистным буржуазно-полицейским режимом.

Некролог принадлежал перу тогдашнего редактора «Автономной Якутии» Модеста Кротова, который близко знал Зубржицкого.

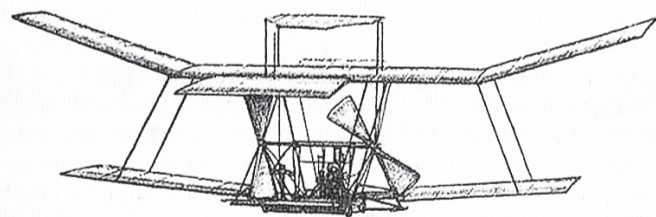
Меня, конечно, особо заинтересовали слова об «особом типе летательной машины». В поисках мне помог сотрудник Якутского государственного архива Александр

Калашников, который отыскал личное дело Зубржицкого.

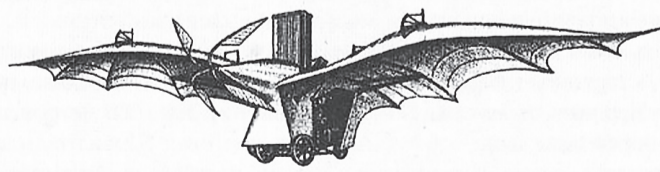
Фонд 484, опись 1, дело 6 — вот пропуск в историю, которая кажется просто невероятной, поскольку речь идёт о том, что в далёкой Якутии самоучка политехник, который так хотел убить царя, подал заявку на регистрацию изобретённого им летательного аппарата. Раньше знаменитых братьев Райт!

Не веря своим глазам, я читал прошение несостоявшегося царевубийцы на имя полицейского начальника с просьбой послать его проект государю-императору с тем, чтобы можно было использовать летательную машину в войне с японцами, которая разгорелась в далёком Порт-Артуре. Значит, к 1904 году проект «Янолёта» был уже готов!

Опустим все волнующие подробности судьбы 17-летнего юноши, увлечённого

Янолёта

звонкими революционными лозунгами, со школьной скамьи попавшего на скамью подсудимых. Это тема для романиста. Каким бы ни был одарённым этот мальчик, но к этому возрасту он мог освоить только гимназический курс, не более. Как же он мог образовать себя в Мценской, Карийской тюрьмах, на рудниках Акатуя, как смог прийти до понимания теории аэродинамики, расчёта прочности, навигационного искусства? А мог он это сделать только там. Какой же был потенциал у вчерашнего гимназиста!

В тоненькой папке личного дела заключённого наибольший интерес представляет небольшого формата тетрадошка,

Сопвич

на обложке которой выведено «Рабочая книжка». Всё остальное — казённые бумаги, справки, счета, рекомендации, прошения, квитанции. Из рабочей книжки многие листы вырваны, и всё же кое-что об авторе мы узнать можем.

Можно предположить, что основным объектом изучения ссыльного была химия. Ей больше всего посвящено листов в книжке. Маленькие трактаты с формулами и расчётами.

«Получение электричества в домашних условиях». «К вопросу о растворимости солей», «Преобразование теплоты в электричество». На развороте самостоятельно (!) рассчитанная периодическая таблица элементов.

Снова химия. Много страниц формул, сведённых в раздел «Обновлённые воззрения по химии». Судебные и юридические заметки.

И вот, наконец, то, что нас может заинтересовать больше всего.

Строка в рабочей книжке о расчёте «Янолёта» и адресовка к отдельной тетради.

Мы имеем уникальную возможность посмотреть, как в чистом виде — без школы, без подпитки литературой, без научного общения — рождалась идея полёта, как она обретала числовые очертания, как была выражена в проекте, готовом к подаче государю. Многие материалы из дела Зубржицкого изъяты, утеряны, упоминавшихся им чертежей нет (вероятно, отправлены в Петербург вместе с прошением), но тем не менее «лаборатория» изобретения — как на ладони.

«Якут(ск) 23 ап(реля) 1902г.

Осуществление проекта требует разделения вопросов следующим образом:

1) Изобретение воздухоплавательного аппарата должно заключить в себе два совершенно отдельных изобретения, а не одно, как я думал раньше. Именно: надо изобрести аппарат и двигатель вообще и между прочим пригодный для аппарата.

2) За исходную точку при изобретении летательного аппарата надо принять ветряные мельницы.

3) За исходную точку при изобретении двигателя надо принять турбины и водяных мельниц колёса.

4) Избрание исходных точек должно делаться так: взять из практики какой-либо мельницы 1) поверхность крыльев, 2) угол, образованный им с осн(овой) вала, 3) угол, под которым крылья встречают ветер и скорость ветра, 5) температуру воздуха, 6) какую работу вал даёт на практике и какую должен бы дать теоретически, если бы не существовало трения.

(Пометки внизу: «У Менделеева не так!»). Формулы, формулы...

Потом было, видимо, что-то сокровенное под названием «На суд грядущих поколений. Кто мы? Куда мы шли, чего желали? 30 июня 1894 года». Эта часть вырвана из книжки.

«Схема устройства индукционного телефона». Чертежик электровозонка. Заметки о Солнечной системе. Расчёты по устройству крахмально-сахарного, солидолового, винокурного заводов, мельницы.